

Свет в музыкальном классе сгустился до янтарных сумерек, когда последний отзвук ноктюрна Шопена растаял в воздухе. Му Тан поднял руку и размял затекшее запястье. Деревянные края клавиш, отполированные до блеска кончиками пальцев, источали запах старого фортепиано, который, смешавшись с ароматом османтуса, доносившимся из окна, окутал его теплым, уютным коконом.

— Который час? — спросил он, повернув голову к Чжоу Мину. Тот дремал, прислонившись к пюпитру, и, вздрогнув от звуков музыки, открыл глаза, в которых еще теплилась остаточная сонливость.

Чжоу Мин машинально выудил телефон, и от яркого света экрана он недовольно сощурился:

— Половина шестого. Столовая как раз открылась, пойдешь?

Му Тан захлопнул крышку пианино. Тихий щелчок металлической застежки внезапно напомнил ему о дне, когда он оказался в этом теле. Был такой же вечер, он очнулся в чужой комнате, а воспоминания прежнего владельца, словно осколки разбитого стекла, впивались в сознание, и даже стакан остывшего молока на тумбочке казался чем-то до боли чужим. Сколько прошло с тех пор? Неужели он уже может два часа кряду просидеть за этим старым инструментом, и даже ноющая боль в пальцах кажется чем-то родным?

— Идем, — он подхватил со спинки стула куртку. — Говорят, сегодня дают свиные ребрышки в кисло-сладком соусе.

Чжоу Мин моментально проснулся и подскочил с места:

— Правда? Тогда нужно поторопиться, а то разберут.

Когда они вышли из класса, коридор был забит студентами. Парни в сине-белой форме, обнявшись за плечи, обсуждали недавнюю репетицию, девушки с конскими хвостами и охапками нот проносились мимо, и стук их каблучков по мозаичному полу напоминал стремительную музыкальную гамму. Му Тан шел вместе с толпой, чувствуя холодный ободок ингибитора на шее. Это прикосновение напомнило ему прощальный взгляд Нань Тана — утром у озера он заметил, что на шее того виднеется серебристо-серый ингибитор, совсем не такой, как у него, с изящным узором по краю, словно украшение на клавишах.

— О чем задумался? — Чжоу Мин дернул его за рукав у лестницы. — Если не поторопимся, ребрышек точно не достанется.

В столовой слепили глаза яркие лампы дневного света, а в воздухе стоял гул голосов и аппетитный запах еды, перемежающийся звоном металлических подносов. Му Тан только хотел направиться к раздаче, как Чжоу Мин потащил его к столику у окна:

— Занимай место, я схожу за едой. И захвати лишнюю пару палочек.

Он послушно опустился на пластиковый стул, упершись локтями в жирный стол, и наблюдал, как тетушка в белом фартуке черпает дымящиеся ребрышки. В памяти прежнего Му Тана столовая еда всегда отдавала гарью, но сегодня янтарный соус, обволакивающий мясо, выглядел так аппетитно, что он невольно сглотнул слюну.

— Чего завис? — Чжоу Мин с грохотом поставил поднос, от двух мисок риса валил пар. — Ешь быстрее, пока не остыло.

Му Тан взял палочки и ткнул в ребрышко. Как только кисло-сладкий соус взорвался вкусом на языке, он услышал, как Чжоу Мин пробормотал с набитым ртом:

— Кстати, завтра экзамен по теории музыки, ты готов?

Палочки с глухим стуком упали на поднос, брызнув соусом на рукав школьной формы. Му Тан застыл. В голове словно перевернулось пианино, черные и белые клавиши перемешались в хаосе. Экзамен? Какой еще экзамен? С тех пор как он сюда попал, он только и делал, что пытался разобраться в устройстве мира АВО и феромонах Нань Тана, даже учебники толком не открывал!

— Постой, — он услышал собственный дрожащий голос, словно лопнувшую струну. — Я же... я только недавно...

Чжоу Мин, сосредоточенно обгладывающий косточку, поднял голову, на его губах блестели крошки сахара:

— Что значит недавно? Ты же всю неделю в школе был. На прошлой неделе учитель Ли даже хвалил тебя за отличные конспекты.

Сердце Му Тана забилося, как барабан. Ему хотелось крикнуть: я не настоящий Му Тан! Хотелось вывалить правду о своем перемещении, но с языка сорвалось лишь слабое:

— Ты уверен, что завтра?

— Конечно, уверен, — Чжоу Мин повернул к нему телефон. В заметках красовалась надпись Экзамен по теории музыки в среду, а рядом был нарисован грустный смайлик. — Я еще на прошлой неделе записал, ты что, забыл? Учитель Ли сказал, что это идет в итоговую оценку за семестр, тридцать процентов как-никак.

Му Тан уставился на грустный смайлик, и мир поплыл перед глазами. Он листал учебники, но ноты на пятилинейных станах словно разбегались, а анализ ладов в теории музыки вызывал лишь головокружение. Прежний Му Тан был гением фортепиано, но как он умудрился так глубоко вникнуть в теорию? А что делать ему, человеку, который даже ключи с трудом различает?

— Я... — он открыл рот, но сил на оправдания не было. Не скажешь же: ваш Му Тан исчез, а

теперь я самозванец, который не отличает диез от бемоля.

Чжоу Мин, заметив, как он побледнел, приложил ладонь к его лбу:

— Ты чего? Почему такой белый? Перетренировался? На самом деле экзамен несложный, ты же всегда учишься на отлично, точно справишься.

— Я... всегда справляюсь? — Му Тан ухватился за эти слова, как за спасательный круг.

— Ну да, — Чжоу Мин проглотил ложку риса. — На пробном экзамене ты был третьим в классе. Учитель Ли говорил, что ты так глубоко понимаешь полифонию, что нам всем стоит у тебя поучиться.

Сердце Му Тана упало еще ниже. Третий в классе? Кем был этот прежний Му Тан? В обрывках памяти были только конкурсы и выступления, ни слова о теории. Неужели он был настолько одаренным, что мог получать высокие баллы, даже не слушая лекции?

— У меня вдруг живот разболелся, — он поднялся, почти не тронув еду. — Пойду в общежитие, поешь без меня.

Чжоу Мин посмотрел на него:

— Может, принести тебе каши?

— Не надо, — Му Тан махнул рукой и нетвердой походкой направился к выходу. — Просто полежу немного.

На улице вечерний воздух освежил лицо, и он понял, что ладони вспотели. В коридоре общежития было пусто, только уборщица катила тележку со шваброй, а запах дезинфицирующих средств неприятно бил в нос. Открыв дверь комнаты, он увидел на столе раскрытый учебник. Конспекты, вложенные между страниц, были исписаны мелким, аккуратным почерком, напоминающим печатный шрифт, даже штили у нот были выведены идеально ровно.

Му Тан осел на стул, руки дрожали. Начало он еще понимал: анализ ладов, интервалы — в его мире это тоже считалось базой. Но дальше начиналось нечто невообразимое: вариативное применение двенадцатитоновой системы в современной композиции, гармоническая логика атональной музыки... Он знал эти слова по отдельности, но вместе они казались ему древним заклинанием.

— До чего же вы тут доучились... — он уткнулся лицом в тетрадь. Шершавая бумага коснулась носа, и он почувствовал слабый запах чернил. Прежний Му Тан, вероятно, писал перьевой ручкой, края букв слегка расплывались, будто от слез.

Он заставил себя сосредоточиться, но ноты и термины в голове устроили свалку. Через полчаса он не осилил и страницы. За окном стемнело, зажглись уличные фонари, и их оранжевый свет, упав на тетрадь, сделал слова Полифоническая музыка особенно резкими.

— Будь что будет, — Му Тан захлопнул конспекты. — Сколько запомню, столько запомню.

Но лечь спать он не смог. Потолочный вентилятор медленно вращался, издавая монотонный гул, словно кто-то напевал фальшивую мелодию. Он включил планшет и открыл курс лекций. Голос учителя Ли, мягкий и размеренный, рассказывал о сложных гармонических последовательностях, и вскоре веки Му Тана отяжелели...

Он проснулся, когда уже рассвело. Солнце пробивалось сквозь шторы, согревая лицо. Му Тан вскочил, взглянул на часы — семь тридцать, до экзамена час.

Он даже не почистил зубы, натянул форму и побежал к учебному корпусу. Студенты с конспектами в руках уже спешили к аудиториям, и это зрелище заставило его сердце сжаться еще сильнее. Чжоу Мин ждал у входа с методичкой в руках:

— Держи, повтори напоследок, я отметил самое важное.

Му Тан взял методичку, почувствовал тепло бумаги, и это напомнило ему утро того дня — мама прежнего Му Тана так же подала ему стакан теплого молока. Он шмыгнул носом и сунул брошюру в карман:

— Спасибо.

В аудитории ряды парт стояли ровно, солнце через высокие окна отбрасывало на листы прямоугольные блики. Му Тан сел на свое место, сердце колотилось. Вошел экзаменатор с пачкой бумаг, и звон металлических колец заставил класс замолчать.

— Телефоны выключить и положить на край стола, — голос учителя Ли был мягким, но не терпящим возражений. — На экзамен девяносто минут. Никаких разговоров, раньше времени не сдавать.

Когда раздали листы, пальцы Му Тана дрожали. Он глубоко вдохнул и посмотрел на задание. Первый вопрос: интервалы. До-диез и ми-бемоль — это какая ступень? Это он знал, в конспектах было выделено — уменьшенная терция. Второй вопрос: параллельный минор к ре-мажору? Кажется, си-минор, верно?

Тесты шли неплохо, но когда он перевернул страницу к заданиям с открытым ответом, лицо его побелело. Назовите лейтмотивы в Кольце нибелунга Вагнера и их символическое значение — кто это вообще такой? Кратко опишите принципы сериализма — это что, про очередь?

Он грыз ручку, поглядывая по сторонам. Чжоу Мин строчил без остановки, девушка впереди

хмурилась, что-то быстро записывая на черновике, даже двоечник с задней парты выглядел уверенно.

Холодный пот катился по виску, капая на лист и расплываясь пятном чернил. Му Тан запаниковал. Он начал писать наугад, пытаясь применить все, что хоть краем уха слышал. В заданиях, где он был совсем не в теме, он просто смотрел в пустоту, пока учитель не напомнил: осталось пятнадцать минут. Пришлось дописывать бред.

Когда он сдавал работу, руки были мокрыми, а края листа помялись. Чжоу Мин ждал его снаружи:

— Ну как? Ты решил ту последнюю задачу по полифонии? Мне кажется, трансформация темы в фуге была очень изящной...

— Не знаю, — голос Му Тана звучал глухо. — Многие вопросы я видел впервые.

Чжоу Мин замер:

— Не может быть, учитель Ли все это объяснял...

Му Тан промолчал. Ему хотелось спрятаться. Хрупкое спокойствие, которое он обрел за эти дни, было разорвано экзаменом. В конце концов, он был чужаком, фальшивой нотой в этом мире, и даже если он мог вытянуть пару звуков, он не мог слиться с основной мелодией.

Результаты вывесили через три дня. В тот вечер после урока фортепиано Му Тан увидел толпу у доски объявлений. Он почувствовал, как ноги стали свинцовыми.

— Му Тан! — Чжоу Мин вытолкнулся из толпы, сжимая в руке ведомость, лицо его было бледнее, чем в столовой. — Ты... сам посмотри.

Имена шли по списку, и имя Му Тана значилось на тридцать седьмом месте. Он помнил, что раньше был третьим. Падение на тридцать четыре позиции — почти катастрофа.

— Как так? — Чжоу Мин дрожал. — Ты перепутал вопросы? Или плохо себя чувствовал? Учитель Ли сказал, что последнюю задачу решили только трое, а это же твой конек!

Му Тан смотрел на цифру 37, и глаза начало щипать. Он хотел признаться: я не настоящий Му Тан, я этого не учил, но выдавил лишь:

— Наверное... просто был не в духе.

Студенты вокруг косились на него, шептались. Му Тан чувствовал их взгляды, как иглы, схватил ведомость и бросился в общежитие. Датчики движения зажигали свет в коридоре, и его белая тень растягивалась по стене, как нелепый восклицательный знак.

В комнате он упал лицом в подушку, от которой пахло привычным кондиционером. Он вспомнил, как в тот день в телефоне прежнего Му Тана было сообщение от брата: «Вернешься на каникулы, привезу новые ноты».

Тогда он не знал, кто такой этот брат, лишь чувствовал в этих словах властность. А вчера пришло новое сообщение: «Приедешь на выходные, нужно поговорить».

В субботу утром Му Тан ехал домой. Листья платанов желтели, ложась на скамейки, как забытые нотные листы. Он открыл переписку с братом: короткие фразы об учебе, последняя — «Хорошие конспекты, продолжай в том же духе».

Сердце снова сжалось. Брат наверняка знает об оценках. В памяти прежнего Му Тана брат всегда был в строгом костюме, с блестящими глазами за стеклами очков, говорил медленно, но с пугающей серьезностью.

На остановке Му Тан медлил. Знакомый особняк, увядшие розы на воротах, голые ветви, похожие на лиги в нотах. Дворецкий Чжан встретил его у двери:

— Молодой господин вернулся, господин ждет вас в кабинете.

Так в доме называли брата. Му Тан кивнул и поплелся к главному входу. Часы в гостиной пробили десять раз, отсчитывая его время.

Дверь в кабинет была приоткрыта.

— Входи.

Му Тан толкнул дверь. Брат сидел за столом, солнце пробивалось сквозь жалюзи, рисуя полосы на его рубашке. Он поднял голову, взгляд за золотой оправой не был суровым — скорее обеспокоенным.

— Садись, — он указал на стул. — Знаешь, зачем я тебя позвал?

Му Тан опустил голову, теребя нитки на брюках:

— Знаю. Экзамен...

— Да, — брат достал из ящика ту самую ведомость. — С третьего места на тридцать седьмое. Я думал, ошибка, проверил — нет, правда.

Лицо Му Тана горело. Он ждал разноса, но услышал лишь вздох.

— Подними голову.

Он встретился с братом взглядом. Глаза были похожи на его собственные, только уголки острее.

— Столкнулся с трудностями?

— Я... — Му Тан открыл рот, но слова застряли. Что он мог сказать?

Брат поправил очки:

— Учитель Ли сказал, ты трижды отвлекался на уроке. Раньше такого не было.

— Я...

— Дело в классе? Или поссорился с кем-то?

Му Тан покачал головой, и слезы хлынули сами собой. Обида, которую он копил все эти дни, нашла выход:

— Мне просто... так трудно, я многого не понимаю...

Он тут же пожалел об этих словах — это было похоже на нытье, совсем не в духе прежнего Му Тана. Но брат не стал ругаться. Он встал, налил стакан воды и подал ему:

— Выпей.

Му Тан коснулся теплого стакана, вспоминая, как в детстве брат так же сидел у кровати, когда он болел.

— Я знаю, что музыка — это нелегко, — голос брата смягчился. — Особенно теория. Скучно, легко ошибиться. Но нельзя сдаваться, верно?

— Я не сдаюсь! — Му Тан поднял голову. — Я просто... не успеваю.

— Если не успеваешь — спрашивай. Учитель Ли хороший педагог. Или спрашивай меня. Я не профи, но базу знаю.

Му Тан замер. Он ждал шторма, а получил поддержку. Брат словно видел его насквозь, но не стал давить, а протянул руку помощи.

— Я подобрал тебе материалы, — он достал книги. — Здесь основы. Посмотри, если что-то непонятно — отметишь, в следующий раз обсудим.

Книги были новыми, на первой странице был почерк брата: «Не торопись, все получится». Глаза снова защипало. Он уткнулся в книгу, чтобы скрыть слезы, которые оставили на

странице темное пятнышко.

— Есть время? — внезапно спросил брат.

Му Тан поднял голову:

— Д-да.

Брат подошел к окну и раздвинул жалюзи. Комната залилась светом. Он обернулся, в стеклах очков отразилось солнце, и на губах мелькнула едва заметная улыбка:

— Внизу новое «Стейнвей». Попробуешь?

Му Тан опешил. Прежний Му Тан помнил, что брат редко заставлял его заниматься, говоря, что интерес — лучший учитель. Но сейчас, видя ожидание в глазах брата, он вспомнил слова Чжоу Мина: «Твой брат раньше тоже учился? В кабинете видел ноты Шопена с подписью, похожей на твою».

— Что, не хочешь? — спросил брат.

— Нет, хочу! — он вскочил, прижимая книги к груди.

Брат пошел за ним. Новый «Стейнвей» сиял, черный лак отражал все вокруг. Му Тан завис над клавишами, боясь коснуться.

— Попробуй, — брат стоял за спиной. — Что угодно.

Му Тан глубоко вдохнул и опустил пальцы. Это не был Шопен или Бах, это была хаотичная мелодия, отражающая его смятение. Он остановился на середине и в сердцах взлохматил волосы:

— Прости...

— Хорошо, — брат прервал его и сел рядом. — Показать простой аккордовый переход?

Му Тан послушно подвинулся, чувствуя исходящий от брата запах кедра и легкую прохладу ингибитора. Брат положил руки на клавиши, извлекая теплый звук:

— Видишь, так звучит гораздо естественнее.

Его пальцы были длинными, с четкими суставами. Му Тан смотрел на них, вспоминая обрывки памяти: вот так же брат учил его нотной грамоте, и солнце падало на их переплетенные руки.

— Попробуй ты.

Му Тан повторил, сбиваясь и путаясь. Он хотел извиниться, но брат накрыл его руку своей:

— Медленнее, расслабь запястье... Вот так.

Там, где их кожа соприкасалась, было жарко. Сердце Му Тана пропустило удар. Он украдкой взглянул на брата: тот был полностью сосредоточен, ресницы отбрасывали тень, а в очках играло солнце. Он не был тем строгим «господином».

Когда музыка смолкла, в комнате воцарилась тишина. Только ветер шумел в платанах.

— На самом деле, — брат первым нарушил тишину, его пальцы слегка покраснели, — теория музыки, как и игра, не терпит спешки. Если трудно — будем восполнять пробелы понемногу, как сейчас.

Му Тан кивнул, чувствуя, как глаза снова горят. Он понял, почему брат был так важен для прежнего Му Тана — не из-за строгости, а из-за этой скрытой нежности, словно низкий голос в басу, который всегда поддерживает мелодию, давая ей опору.

— В следующий раз объясню про лейтмотивы Вагнера? — сказал брат, собирая книги.

Му Тан поднял голову, встретившись с улыбающимися глазами:

— Хорошо!

Солнце освещало ноты на столе, превращая черные знаки в сверкающие искры. Му Тан смотрел на брата и думал, что мелодия этого мира, возможно, не так уж сложна для него. Даже если он — фальшивая нота, он всегда найдет свое место и вместе с этими теплыми звуками составит цельную симфонию.

<http://bllate.org/book/18827/1832493>